

Небесный корабль, гулкий звон колокола и божественная птица, принявшая человеческий облик и спустившаяся на землю прямо по предзакатной дымке облаков, — всё это повергло в глубокое изумление собравшихся в трактире вольных практиков. Для этой толпы провинциальных бродячих практиков, не искушённых в чудесах великого мира, подобное зрелище стало потрясением.

Когда первое ошеломление улеглось, кто-то недоуменно протянул:

— Но ведь ворота школы открываются только завтра, тогда же и испытания начнутся? Неужто Птице Чанмин дозволено войти уже сегодня? Я слышал, в Академии Лулинь царит строжайшая справедливость: будь ты хоть выходцем из величайшего клана, без экзамена туда ходу нет.

Академию Лулинь возвели чуть больше века назад.

Смертные вставали на путь самосовершенствования ради одной цели — вознестись и обрести бессмертие. Однако за последнюю тысячу лет ни на одном из континентов, какое бы учение ни исповедовали здешние аскеты, никому не удавалось преодолеть даже стадию Переживания Бедствия. О настоящем вознесении никто больше и не мечтал.

И тогда Птица Чанмин обратилась к небесной воле и явила миру божественное откровение. В нём говорилось: устои рухнули, сердца людей ожесточились, а идущие по Пути утратили истинную суть Дао. В их душах не осталось места добродетели, они не способны нести бремя заботы о Поднебесной — так с какой стати им восходить на небо?

Чтобы достичь бессмертия, следовало прежде восстановить справедливость, взрастить в себе чистое Дао и творить добро, связывая причину и следствие.

Прежде те, кто искал бессмертия, с самых малых лет изнуряли себя техниками и закаляли тело. Но поскольку духовных камней и редких артефактов на всех не хватало, мир то и дело сотрясали кровавые распри, и каждый заботился лишь о собственной шкуре. Обсудив это с главами полутора десятков великих орденов, Птица Чанмин решила основать академии. Там совершенствующиеся могли бы спокойно предаваться учению, ковать свой дух и учиться состраданию к миру, тем самым мало-помалу исцеляя нравы Поднебесной.

Среди всех созданных обителей знаний самой обширной и влиятельной стала Академия Лулинь.

Хотя её возведение финансировали крупнейшие школы, двери её оставались открытыми для каждого, кто жаждал знаний. Будь ты безродным бродячим практиком или благородным наследником древнего рода, по достижении пятнадцати лет ты получал право пройти испытания. Те же, кто выдерживал экзамен, становились полноправными учениками Лулинь. Покидая эти стены, они брали на себя обет заботиться о благе Поднебесной и никогда не предавать своего Дао.

Потому и отбор здесь всегда отличался безупречной беспристрастностью: перед правилами все были равны. Однако для Птицы Чанмин, очевидно, сделали исключение — её появление избавляло от любых испытаний.

В конце концов, само появление академий диктовалось явленной через неё божественной волей и стремлением к великому вознесению. Птица Чанмин почиталась живым воплощением небесного божества, и само её пребывание в стенах Лулинь служило безмолвным призывом к высшим силам обратить взор на то, как преображается земной мир.

Не придя к единому мнению, собравшиеся приумолкли. Воспоминание о завтрашнем экзамене, который для большинства мог закончиться позорным провалом, мигом остудило пыл спорщиков. Атмосфера в общем зале сделалась унылой и сонной.

Сэ Чанмин осушил пиалу до дна, небрежным жестом бросил духовный камень Хозяину заведения Цзиню, увлечённо подслушивающему разговоры постояльцев, и не спеша поднялся к себе.

В день экзамена небеса над Академией Лулинь преобразились. Там, где ещё вчера расстилалась лишь чистая синева, теперь парили десятки величественных павильонов. Окружённые пушистыми облаками, они тянулись на многие ли, служа залами для будущих испытаний.

Абитуриентам предстояло выдержать три этапа. Первый проверял «Дао» — крепость духа и помыслов. Второй — «Закон» — оценивал врождённый талант и владение техниками. Третий же, под названием «Деяния», исследовал прошлые поступки и праведность жизни кандидата с самого начала его пути.

Утреннее испытание «Дао» проходило письменно. В экзаменационных листах значилось несколько глубоких философских вопросов, на которые следовало ответить искренне, в согласии с собственным сердцем.

После полудня пришёл черёд личной беседы.

Сэ Чанмин получил гладкую сандаловую дощечку с вырезанным номером «сто тринадцать» и встал в очередь к дверям павильона.

Не прошло и получаса, как толпа перед ним растаяла. Толкнув тяжёлую створку, он вошёл внутрь, но комната оказалась совершенно пустой.

Озадаченный, он замер на мгновение, затем опустил взгляд и слегка притопнул каблуком. Под его ногами тут же вспыхнул скрытый массив перемещения, перенёсший его в другое помещение.

Новый зал украшали два стола, стоящие друг за другом. На переднем, массивном и вырезанном из красного дерева, покоилось водяное зеркало — Зеркало Разоблачения Иллюзий, — а рядом лежали каменная тушечница, подставка с кистями и стопка плотной бумаги, присыпанной золотой пылью.

За вторым столом, поменьше и попроще, сидел человек. Точнее, полулежал, небрежно откинувшись на спинку стула. Он казался измождённым и бледным, его веки едва заметно подрагивали, словно ему не хватало сил даже разомкнуть глаза. Весь его болезненный вид так и дышал глубочайшей скукой и равнодушием к происходящему; он даже не потрудился поднять голову, когда дверь отворилась.

За столом восседали двое экзаменаторов, чьей задачей было испытывать духовные корни кандидатов. Сверив имя Сэ Чанмина и его номер, один из них вежливо произнёс:

— Собрат по Дао, прошу вас, взгляните в Зеркало Разоблачения Иллюзий.

Обычно в орденах проверку таланта проводили старейшины, лично ощупывая кости учеников. Но Академия Луинь обладала баснословным богатством, а потому могла позволить себе такую роскошь, как создание редчайшего артефакта, определяющего духовные корни без единого прикосновения.

Сэ Чанмин не собирался хитрить на этом этапе. Он спокойно шагнул к зеркальной глади, и на её поверхности тут же вспыхнули пять цветных сполохов, возвещая о наличии пяти духовных корней: золота, дерева, воды, огня и земли.

Экзаменатор в алом одеянии ошеломлённо замер. Похоже, он никак не ожидал встретить среди соискателей столь безнадёжного калеку с пятицветным корнем.

На пути к вознесению практик должен был насыщать свои корни духовной энергией, доводя каждый до совершенства. Однако с увеличением числа корней объём необходимой энергии возрастал в десятки и сотни раз. По этой причине обладатели единственного духовного корня считались непревзойдёнными гениями. Двойной корень тоже сулил неплохие перспективы, три или четыре вели к тяжелейшей борьбе, где предел Золотого Ядра казался почти недостижимым. Пятицветный же корень в мире культивации почитался за мусор — чтобы наполнить его хотя бы до пика стадии Очищения Ци, требовалось больше духовных сил, чем владельцу одного корня для формирования Золотого Ядра.

С тихим вздохом экзаменатор в алом вырезал на обороте сандаловой дощечки символ «пять».

Следом шёл тест на крепость костей и каналов — самую основу тела.

Второй экзаменатор, облачённый в лазурное, указал на стол:

— Собрат по Дао, возьмите самую толстую кисть и напишите любой иероглиф. Если тушь проступит с обратной стороны листа, мы заменим её на кисть поменьше.

Сэ Чанмин неторопливо растёр тушь и принялся за работу. Он менял кисти одну за другой, оставляя на бумаге безупречные, насквозь пропитанные силой штрихи, пока не дошёл до предпоследней — самой тонкой. Лишь тогда он отложил инструмент.

Вовсе не потому, что последняя была ему не под силу; просто он счёл дальнейшее излишним.

Экзаменаторы обменялись ошеломлёнными взглядами. Лазурноризый дрожащей рукой начертил на дощечке вердикт: «Средний первый класс».

Крепость костей этого юноши являла собой полную противоположность его ничтожным духовным корням.

— Могу я спросить, — подал голос лазурноризый, закончив резьбу, — на какой ступени совершенствования вы сейчас находитесь?

— Пик стадии Возведения Фундамента, — ровным тоном отозвался Сэ Чанмин.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Наконец экзаменатор в алом горько усмехнулся:

— Ну и задали же вы нам задачу, собрат. Как прикажете поступить — выдать вам отказ или пропустить дальше?

Сэ Чанмин слегка удивился. Он не думал, что правила академии настолько суровы к качеству корней. Ведь, несмотря на пятицветный изъян, его физическое тело было близко к идеалу, да и заявленный уровень Возведения Фундамента наглядно доказывал, что плохие корни для него не преграда.

Впрочем, его это мало заботило.

Юноша опустил ресницы, на его лице не отразилось ни тени разочарования. Он шёл сюда вслепую, не зная, какие артефакты используют для проверки. Теперь, выяснив природу Зеркала Разоблачения Иллюзий, он мог без труда подыскать способ обойти его защиту и завтра явиться под другим именем. Лишние хлопоты, конечно, но задерживаться в академии ему всё равно придётся.

Пока экзаменаторы колебались, дремавший в углу болезненный мужчина вдруг приподнял голову. Его тусклый взгляд обратился на юношу:

— Зачем ты пришёл в Академию Луинь?

Экзаменатор в алом вздрогнул:

— Господин Сюй!

Господин Сюй поднялся со своего места. Шагнув вперёд, он повторил вопрос, добавив с тихой угрозой:

— И отвечай от чистого сердца, заглянув в самую свою суть.

Голос его прозвучал негромко, однако в ушах он отозвался подобно громовому раскату. От этой звуковой волны душа невольно сжалась, лишая любой возможности солгать или уклониться от ответа. Оба экзаменатора тут же притихли, не смея издать ни звука.

Однако на Сэ Чанмина эта уловка не произвела ни малейшего впечатления. Он без труда определил, что этот бледный наставник едва достиг пика стадии Прозреваемой Пустоты. Будь тот хотя бы на пике стадии Великого Перехода, возможно, и сумел бы вытянуть из Сэ Чанмина крупицу истины.

Юноша выпрямился. Деревянные чётки на его запястье с негромким стуком коснулись края стола. Посмотрев прямо в глаза господину Сюй, он спокойно ответил:

— Вопросить Небеса.

Его истинной целью были поиски пропавшей птицы, однако и этот ответ нельзя было назвать ложью — тайны Небесного Дао он действительно намеревался изучить мимоходом. А Академия Лулинь, помимо самой Птицы Чанмин, являлась местом, наиболее близким к вышним сферам.

Господин Сюй долго всматривался в лицо Сэ Чанмина, словно пытаясь разглядеть сокрытую в нём бездну. Затем он внезапно расслабился, вновь принимая свой привычный изнывающий вид, и бросил экзаменатору в алом:

— Запиши его ко мне.

Тот не посмел перечить и поспешно внёс имя Сэ Чанмина в свиток.

Наставник швырнул на стол нефритовую плашку с вырезанным на ней иероглифом «Сюй».

Таким образом, Сэ Чанмин освобождался от дальнейших испытаний, получив досрочное зачисление.

Спустя три дня ворота Академии Лулинь распахнулись, приветствуя новых учеников,

выдержавших суровый отбор.

Обитель знаний раскинулась на тысячи ли, заняв почти половину Города Малого Моря. Окружённая величественными пиками, она тонула в густом белом тумане, а ведущие к ней тропы были круты и извилисты.

Ближе к полудню измученная дорогой толпа новоприбывших наконец поднялась к Главному пику. На вершине их встречали наставники. Предъявляя свои нефритовые дощечки, юноши и девушки один за другим шагали в сияющие круги массивов перемещения, отправляясь на вершины, принадлежащие их будущим учителям.

Поскольку Сэ Чанмин числился за господином Сюй, его путь лежал на юго-запад, к пику Изумрудной Красоты.

У приёмной площадки его ждал юный даос. Завидев гостя, он приветливо улыбнулся:

— Прошу за мной.

Следуя за проводником сквозь шелестящую бамбуковую рощу, Сэ Чанмин вышел на просторную поляну. Здесь не было ни единой скамьи, и все ученики господина Сюй чинно сидели прямо на траве.

Не желая выделяться, Чанмин устроился чуть поодаль, на самом краю.

Сам наставник полулежал в плетёном кресле во главе собрания, прикрыв глаза. Рядом с ним пустовало ещё одно сиденье — судя по всему, предназначенное для кого-то важного.

Молодые люди некоторое время испуганно переглядывались, но, заметив, что господин Сюй не спешит призывать их к порядку, осмелели и принялись вполголоса переговариваться.

Когда пришло время, под глухой колокольный звон наставник медленно разомкнул веки.

Похоже, хлопоты с экзаменами и приёмом новобранцев окончательно лишили его сил. Опустив тяжёлые веки, он вяло и тихо произнёс несколько дежурных напутствий, поздравляя собравшихся с поступлением.

— Кроме того, — неторопливо продолжил он, — я должен представить вам ещё одного соученика.

Сэ Чанмину не было дела до этих церемоний. Сидя на задних рядах, он лениво лущил кедровые орешки, избавляя себя от скуки.

Старая, укоренившаяся привычка. Сэ Сяоци обожал это лакомство, но со своим неуклюжим тупым клювом и цепкими, но бесполезными для такой тонкой работы лапками справиться с кожурой не мог, а потому вечно кланчил угощение. Сам чистить не умел, зато лопал за обе щёки — тот ещё обжора. Стоило рукам Чанмина освободиться, как пальцы сами принимались за дело. И пусть сейчас от его Сяо Тумао не осталось даже следа, руки помнили прежние движения.

Внезапно по поляне прокатилась волна изумлённых возгласов. Сэ Чанмин поднял взгляд и увидел перед свободным креслом фигуру — ту самую Птицу Чанмин, которую вчера приметил издалека.

Теперь, оказавшись совсем рядом, он смог рассмотреть гостя. Впрочем, разглядеть удалось немногие черты: глаза и лоб незнакомца скрывала плотная повязка, оставляя открытыми лишь изящный нос да острый, точёный подбородок.

Юноша стоял неподвижно, окутанный глубоким безмолвием.

Господин Сюй объявил, что вновь прибывшего зовут Шэн Лююй, и добавил, что тот с ранних лет соблюдает обет молчания. Наставник строго наказал ученикам не докучать новому соученику расспросами и не мешать его духовной практике.

Окружающие разразились восхищённым шёпотом:

— Надо же, Божественная птица в столь юном возрасте уже взялась за безмолвный дзен, который под силу лишь умудрённым годами монахам!

Большинству собравшихся едва исполнилось пятнадцать-шестнадцать лет — возраст, когда рот не закрывается ни на минуту, а необходимость молчать кажется пыткой пострашнее калёного железа. Неудивительно, что стойкость Шэн Лююя вызвала у них искреннее почтение.

Однако Сэ Чанмину всё это показалось крайне подозрительным.

Отказ от речей ещё можно было объяснить стремлением уберечься от дурных слов и очистить карму. Но какой обет требовал завязывать глаза?

Он вновь пристально всмотрелся в фигуру Шэн Лююя.

Чанмин, обладавший глубокими познаниями в тёмных искусствах и огромным духовным опытом, сразу за приметил то, что укрылось от взоров остальных. Никаким обетом здесь и не пахло. Юное божество опутывала плотная, зловещая демоническая ци. Тёмная скверна запечатала четыре из его семи чувственных отверстий, лишив возможности видеть свет и слышать чужие голоса.

Перед ним стоял настоящий калека — глухой и слепой.

<http://bllate.org/book/18249/1750581>